История сердца

Любовная проза

Валерий Хатюшин

Валерий Хатюшин
История сердца. Любовная проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21240074
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Валерий Хатюшин – широко известный в России поэт, автор многих прекрасных поэтических книг, отмеченных литературными премиями. Тем интереснее и необычнее читать прозу поэта, наполненную неожиданными психологическими коллизиями. Его любовные прозаические сюжеты завораживают как искренностью, так и страстностью чувств героев, естественны и достоверны, несут печать личных переживаний автора.

Содержание

ОЛЯ 4
ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА 18
ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЛСЯ ОДИН 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Валерий Хатюшин
История сердца
Любовная проза

ОЛЯ

Рассказ

Мне было шестнадцать, а ей четырнадцать.

…Мы шли медленно по неглубоким сугробам в глубь зимнего лесопарка все дальше и дальше от города. Деревья кругом становились плотнее и гуще, и наконец просветы между ними совсем исчезли. Только заснеженные ели и оголенные березы окружали нас со всех сторон. Начинало смеркаться. Тени от деревьев становились мрачнее, а мы шли всё дальше в полутьму леса, не обращая внимания ни на крепчающий мороз, ни на отдаленность от города, ни на вечер. Так мы дошли до небольшого овражка, спустились вниз и там в маленьких густых елках Оля увидела огромный пень, подбежала к нему, смахнула с него снег и присела. Мне тоже не хотелось никуда идти, здесь было как-то очень хорошо, красиво и тихо. Я сел рядом с нею, прижавшись к ее плечу.

И тогда я подумал: как это удивительно и даже странно, что мы с ней здесь вместе, одни, вдали от всех людей и забот, и никто не может нарушить нашего уединения. Здесь – только мы и зимняя природа.

Еще совсем недавно, когда я мечтал хотя бы изредка видеть ее, я и подумать не мог, что мы будем в лесу сидеть рядом на одном пне, ощущая тепло друг друга, и с замиранием сердца ждать чего-то необыкновенного, неиспытанного.

Наверно, с минуту мы сидели молча. Оля положила голову на мое плечо и закрыла глаза. От волнения я не знал, что говорить, хотя говорить очень хотелось – о многом и очень важном. Но я задал самый обычный, самый пустой вопрос:

– О чем ты сейчас думаешь?

Оля не ответила. Она даже не открыла глаз. И только через некоторое время слабо улыбнулась и сказала:

– Я тебя еще так мало знаю…

Она убрала голову с моего плеча. Я обнял ее и прижался губами к ее щеке. Потом еще крепче прижал к себе и с колотящимся сердцем увидел перед глазами ее полуоткрытые губы. Я больше ничего не видел, кроме этих розовых прекрасных губ… И впервые ее поцеловал.

Вокруг нас застыла глубокая тишина – ни единого шороха не было слышно, ни единого звука. И только два сердца учащенно бились у нас в груди, волнуя кровь и туманя голову. Прижавшись щеками, мы сидели не шевелясь.

– Что теперь это значит? – подала она голос.

– То, что я люблю тебя.

– Давно?

– Слишком давно.

– Почему слишком? Мы ведь только недавно сблизились.

– Я любил тебя с детства.

– Как это? Не понимаю… – она недоуменно повернула ко мне лицо.

Я загадочно улыбнулся, помолчал немного, потом заговорил:

– Так удивительно получилось… Сначала ты была в моем воображении. Еще ребенком каждый вечер перед тем, как уснуть, я представлял тебя. Представлял такой, какая ты должна быть на самом деле. Я мечтал встретить тебя и почему-то был уверен, что ты существуешь…

– Как интересно… – промолвила она.

– И вдруг… Это было давно, не помню когда… Я тебя увидел. Увидел в жизни. В точности такую, какой представлял. С тех пор я уже любил не вымышленную, а настоящую тебя. Мы жили рядом, в том подмосковном поселке. Помнишь? Любая случайная наша встреча была праздником для меня. Но я не знал, что делать, как заговорить с тобой, и молчал, скрывая свои чувства. А ночами по-прежнему перед глазами появлялся твой образ, и я засыпал вместе с ним. Так продолжалось долго, пока наконец судьба не свела нас здесь, в этом городе…

Стало совсем темно. Только теперь я заметил, как лес на-

верху оврага шумел от поднявшегося ветра, качался, бросая на нас черные тени. Я почувствовал мороз и ледяной под нами пень. Взглянул на ее лицо. Ресницы и выбившиеся из-под шапки волосы покрылись инеем. Губы сжаты. Глаза неподвижно устремлены в одну точку. Прильнув ко мне, едва дыша, в мыслях своих, как мне казалось, она была где-то слишком далеко и ничего не замечала вокруг. Я приподнял ее пушистый воротник, снял перчатку, провел рукой по ее щеке и поцеловал еще раз.

Оля словно очнулась.

– А почему ты не мог сказать мне раньше?..

– Не хватало смелости. Я, вообще-то, был стеснительный… Впрочем, таким и остался. Ну и потом… вдруг ты посмеялась бы надо мной – и придуманный образ рухнул бы в одночасье… А этого очень не хотелось.

– Похоже на сказку…

Она опустила лицо мне на грудь и прошептала:

– Я тоже люблю тебя, поверь мне. Я влюбилась в тебя с нашего знакомства и даже сама хотела признаться…

Я приподнял ее голову и стал долго целовать в губы, в глаза, в щеки, в шею… А она тихо, по-детски смеялась своим незабываемым голосом.

Потом я снял с ее рук варежки. Красивые мягкие пальцы совсем закоченели. Я осторожно их растирал и отчаянно дышал на них, и когда они отошли – согревал в своих ладонях.

Она подняла к глазам часы. Они показывали двенадцать

ночи. Мороз уже чувствительно щипал наши щеки и носы. Нужно было возвращаться.

Мы быстро поднялись наверх оврага и увидели, что сквозь деревья просвечиваются ночные огни города, оберегая нас от блужданий в лесу.

Прошло два года. Я окончил школу и получил повестку в армию. После шумных застольных проводов нас, призывников 1967 года, теплым июньским вечером привезли в аэропорт «Домодедово».

…ИЛ-18 медленно набирал высоту. Густой тяжеловесный гул моторов сдавливал слух. Всем телом ощущалась мелкая неприятная тряска. Раньше мне не приходилось летать в самолете, и поначалу ощущение полета показалось довольно муторным.

За стеклом иллюминатора висела ночь, а внизу, освещенная тысячами электрических огней, проплывала Москва. Я расставался с нею надолго, и мне было грустно ее покидать. Мы летели к месту службы, но никто из нас не знал в точности – куда.

Набрав большую высоту, самолет летел на восток. Москва была далеко позади, а внизу сплошным белым покрывалом висели облака, словно лежащие на земле сугробы снега. Над нами было черное небо, усеянное яркими звездами. Но у горизонта небо сияло ярко-малиновым пожаром, а облака окрасились в бледно-розовый цвет. Мы поднялись так вы-

соко, что чуть было вновь не увидели ушедшее за горизонт солнце.

Нам всем было грустно, несмотря на то, что мимо нас ходили по проходу улыбающиеся стюардессы. Было как-то не до них: одни сидели задумавшись или глядя в иллюминатор, другие под монотонный дрожащий шум старались уснуть.

Я смотрел на звезды, на горящий горизонт, на плывущий под нами «снег», а из памяти не выходили последние дни на «гражданке».

…Мы не виделись с Олей несколько дней. Мне показалось, она избегала наших встреч. И вот ранним зимним вечером, когда я стоял у ее подъезда, ко мне подошла Ира, ее подруга и соседка по лестничной площадке. Она знала о наших отношениях и, как я подозревал, завидовала нам.

– Как думаешь, где сейчас Ольга? – спросила она.

– Не знаю, – угрюмо ответил я.

– А я знаю. Она гуляет в парке с ребятами из своего класса.

– Ну и что? – Я старался выглядеть равнодушным.

– Тебе все равно? Она там, а ты здесь…

– А почему тебя это волнует?

– Ну… я ведь вижу… В общем, она не хочет с тобой встречаться…

– С чего ты взяла? – как можно спокойнее, но с помертвевшим сердцем выдавил я.

– Да от нее знаю, – усмехнулась Ира.

– Не ври. Она сама бы сказала. – Мне не хватало воздуха. – Всё интригуешь… – Тяжело вздохнув, я повернулся, чтобы уйти.

– Поверь мне… Это правда.

Не глядя на нее, чувствуя сильную нервную дрожь, я бросил со злобным пренебрежением:

– Слушай, зачем это тебе? Чего ты добиваешься? Тебе надо нас разлучить?

– Постой, не уходи…

– Что еще? – Я стоял к ней спиной.

– А ты не догадываешься?..

– В общем-то, догадываюсь, – повернувшись к ней, произнес я с кривой ухмылкой.

Она подняла ко мне свои большие серые глаза.

– Я люблю тебя, – еле слышно сказала она и потупилась.

И в это мгновение я увидел Олю. Она сошла с трамвая и легкой походкой направлялась прямо к нам. В свете фонарей я разглядел ее загадочную улыбку. Подойдя к нам, она остановилась. Сердце мое отчаянно билось в груди, кровь прилила к лицу, и мне стало жарко.

– Здравствуйте, – сказала она тихим, но звонким голосом.

Меня подстегивало броситься к ней, обнять и говорить, страстно говорить о том, как я ждал ее все эти дни, как измучился, не понимая этой глупой разлуки… Но стоял молча и не шевелясь. Вот мы сошлись взглядами, и она тут же

отвела глаза.

– Ты где была? – с хитрой усмешкой спросила Ира.

– О, где я была!.. – воскликнула с улыбкой Оля, сделав шаг к двери подъезда.

– Оля! – не выдержал я и быстро подошел к ней. – Что с тобой?! – закричал я дрожащим от волнения шепотом, крепко сжимая ее плечи. – Почему…

Она поднесла ладонь к моим губам и так выразительно, понимающе посмотрела на меня, что я невольно умолк, отпустил ее плечи и стал тихо целовать руку, прижатую к моим губам.

– Успокойся… – Она отстранилась и вошла в подъезд.

Одиноко застыв, Ира грустно смотрела на меня.

Я резко повернулся и, глядя под ноги, побрел к себе.

Только под утро я смог заснуть…

«Наш самолет следует до Красноярска. Мы летим на высоте девять тысяч метров. За бортом минус двадцать градусов».

Я открыл глаза. В иллюминаторе висела сплошная тьма. Облака исчезли. И лишь далеко внизу мерцали маленькие огоньки. В одном месте они сплелись в единый светящийся круг, похожий на созвездие.

«Мы пролетаем над Казанью», – объявил по радио женский голос.

…Оля сидела на кушетке около торшера, освещенная неярким малиновым светом. Она низко опустила голову и ее темно-каштановые волосы опустились на лицо. Я подсел к ней, отвел волосы с ее лица и прикоснулся губами к горячей щеке.

– Ты будешь меня ждать?

Она положила голову мне на плечо и сжала в ладонях мою руку.

– Конечно, буду.

Я прижал ее к себе и стал нежно покрывать поцелуями ее лицо и шею.

– Если ты меня не дождешься, я там умру от тоски, – прошептал я ей в ухо.

– Господи, целых два года… Не знаю, как мы их переживем…

– Меня будут спасать только твои письма.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько красоты и нежности, что мои глаза помутнели от набежавшей влаги.

– И меня тоже. Как приедешь, сразу напиши. И никогда не сомневайся в моей любви…

Она стала гладить меня по волосам, приговаривая: «Мой любимый, любимый…» Потом, немного помолчав, сказала:

– Знать бы, где ты будешь служить…

– Самому интересно…

Я очнулся от прикосновения чьей-то руки. Передо мной

стояла улыбающаяся белокурая девушка в форме стюардессы.

– Хотите нарзану?

– Спасибо, с удовольствием.

Меня и впрямь мучила жажда. Она не проходила в течение всего полета, сколько бы я ни просил питья.

Начинало светать. Внизу проступали расплывчатые очертания далекой земли. Прежняя чернота сменилась туманной серостью, и только утренний горизонт светился свежей, обновленной голубизной.

Во мне беспорядочно теснились воспоминания вчерашних проводов. Они бессвязно возникали в сознании и так же мгновенно исчезали, оставляя в душе то грустное, то светлое чувство.

Оля осталась со мной до утра. Я никогда не забуду этих последних ночных часов рядом с ней, моей необыкновенной шестнадцатилетней возлюбленной. Мы думали, что расстаемся на два года, а оказалось – на всю жизнь.

…Со всеми провожающими прощались возле автобуса, который увезет нас в Домодедово. Прежде всех я подошел к матери. Глаза ее заблестели, губы дрогнули, она обвила руками мою шею и стала быстро, торопливо обцеловывать… После нее меня все обнимали, говорили какие-то слова и долго жали руку. Особенно Ира… Она прильнула ко мне, хотела что-то сказать, но смутилась, отвернула лицо, и я только

слегка прикоснулся губами к ее щеке.

Последней со мной прощалась Оля. Она отвела меня в сторону, повесила мне на шею медальон и наказала, чтобы я носил его, пока мы не встретимся. Я крепко прижал ее к себе и в последний раз мы застыли в долгом поцелуе. Сердце мое сжалось в тягучей тоске, я с какой-то отчаянной безнадежностью взглянул в ее безумно красивые глаза, схватил чемодан, помахал всем рукой и скрылся в толпе призывников, садящихся в автобус.

Когда ехали на аэродром, ребята на соседних сиденьях веселились, поправляли здоровье после вчерашних проводов, что-то пели под гитару, но я сидел молча, угрюмо и еле сдерживал слезы.

Служить мне пришлось в Сибири, в Красноярском крае, в ракетном дивизионе.

Вот два письма, полученных мною от Оли, – первое и последнее. Между ними – целый год. Писем от нее за год нашей разлуки было много, но эти два – самые главные.

«Здравствуй, дорогой мой, любимый!

Ты даже представить себе не можешь, с каким нетерпением я ждала от тебя весточки. Вот уже прошла неделя с того дня, как мы тебя проводили, а мне кажется, что я тебя не видела ну, по крайней мере, полгода. Мне казалось, что, приехав в часть, ты написал всем, а про меня забыл, так я ждала

твоего письма.

…После нашего с тобой прощания все провожавшие поехали на трамвае, а я пошла пешком, потому что уже не могла держать слез. Их все заметили – и улыбались, глядя на меня, а мне почему-то было очень неудобно и даже стыдно. Я убежала от них, шла и плакала. Незнакомые люди проходили мимо и смотрели на меня с недоумением. Пока дошла до твоего дома, немного успокоилась и заглянула к тебе. Все гости уже вновь сидели за столом. Твоя мама что-то мне говорила, но я не слышала. Кажется, она просила или заходить к ней, или не уходить…

…Дорогой мой, наши встречи и все твои слова, клятвы и поцелуи мне теперь кажутся несбыточным сном или необыкновенной сказкой. Как мне хотелось это всё вернуть хоть на мгновение!.. Как я хочу, чтобы ты был рядом!

…По привычке я ежедневно смотрю на твое окно, словно могу увидеть в нем твой силуэт…

…Если до следующего лета ты не приедешь на побывку, то я сама к тебе прилечу. Вот увидишь! Я же не перенесу эти два года без тебя!»

Но двух лет не понадобилось. Запоздалой сибирской весной, когда вовсю цвела черемуха и хотелось любить и надеться, мне передали авиаконверт с ее последним посланием.

«Я получила твое письмо. Оно, как всегда, очень хорошее и нежное. Но вот получается так, что на одно из самых неж-

ных твоих писем я отвечаю не тем, что ты ожидаешь. Я не могу больше этого скрывать. Я люблю другого. Уже полгода. Сначала мне казалось, что это мимолетное увлечение, но вышло всё гораздо серьезнее.

Да, я очень любила тебя, но так, как сейчас, еще не любила никого. В последних письмах к тебе я старалась убедить саму себя, что всё остается по-прежнему, что мое отношение к тебе не изменилось. Но далее убеждать себя в этом не хочу и не могу. В моих желаниях, в моем сердце существует только он.

Я знаю тебя, знаю, что тебе не нужны никакие объяснения, ты сам всё поймешь. Но, честное слово, не поднимается рука после четырех лет нашей любви сказать: «Прощай. Я люблю другого».

Ты будешь презирать меня, но я устала ждать. Прошу тебя, не мешай нам, оставь нас вдвоем.

До нашего горького свидания, мой милый! Именно до свидания, потому что никто не убережет нас от встречи, хотя и нечаянной.

Если сможешь, прости. И больше не пиши мне. Ольга».

Встреча наша и вправду состоялась.

Со службы я вернулся через два с половиной года. Мне уже было известно, что Оля вышла замуж, родила девочку и что они переехали жить к родителям мужа. Но вскоре, через полгода, она развелась и вновь перебралась вместе с дочкой

на прежнюю квартиру – к своей матери. И вот однажды из своего окна я увидел ее, проходящую с маленькой девочкой мимо нашего подъезда. Сердце мое встрепенулось и прежняя тоска подступила к горлу. Я открыл шкаф, достал из кармана своего дембельского мундира медальон, подаренный ею в день нашего прощания, и быстро вышел из дома. С гулко бьющимся сердцем я приблизился к ней сзади и негромко произнес ее имя. Держа дочку за руку, она оглянулась и на мгновение обомлела. На ее широко распахнутых, всё таких же прекрасных глазах отразился испуг, но на губах застыла смущенная улыбка.

– Здравствуй… – только и сумела произнести она.

– Как поживаешь? – задал я никчемный вопрос.

– Нормально, – машинально ответила она. – Вот… дочка…

– Знаю, – сказал я, глядя на милое создание полутора лет.

– А ты как?

Я усмехнулся.

– Тоже нормально. Вот, возьми… – Я достал из кармана цепочку с медальоном и протянул ей.

Она опустила глаза, и улыбка сошла с ее губ.

– Не надо, – она сделала шаг назад. – Не надо… Оставь себе… Прости меня… – и, повернувшись ко мне спиной, взяла дочку на руки и быстро, не оглядываясь, поспешила уйти.

С огромной печалью я смотрел ей вслед.

ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Рассказ

В школе был объявлен новогодний вечер для старшеклассников. Ученики, как и положено, пригласили на него своих преподавателей. Людмила Михайловна, учительница литературы, тоже получила приглашение. Это была женщина лет двадцати шести, стройная, легкая, гордо и независимо держащая себя в любых обстоятельствах. Постоянная строгость и неизменная серьезность Людмилы Михайловны, а также подчеркнутая простота и неброскость ее туалета, вызывали нескрываемое уважение к ней всех ее учеников. Она была равнодушна к подобным развлечениям, однако, немного поколебавшись, пришла.

Алексей Дольский в своем десятом классе считался одним из тех одиноких мечтателей, странность которых принимается всеми спокойно и без насмешек, и у которых редко бывают близкие друзья.

С первых же минут вечера весь сияющий, в веселом расположении духа, Алексей ни на шаг не отступал от Людмилы Михайловны. Он уже несколько раз приглашал ее на танец, вызывая тем самым недоуменные взгляды многих препода-

вателей. Он был тайно влюблен в учительницу литературы.

Людмила Михайловна еще раньше замечала, что Дольский как-то очень странно не равнодушен к ней. Об этом уже кое-где ходили слухи. На ее уроках он сидел всегда как завороженный и отвечал по ее предмету более чем хорошо. И все же она решила сделать Алексею замечание.

– Дольский, по-моему вы позволяете себе лишнее, ведь вы не с девочкой танцуете, – сказала она шепотом.

Алексей, не переставая улыбаться, немного отстранился и проговорил смущенно:

– Простите… Я замечтался… Но если вам неприятно, я больше не подойду…

– Да нет. Только я не хочу, чтобы на нас все смотрели исподлобья. Вы понимаете?

– Понимаю. Но сегодня у всех такое веселое настроение, все смеются, все словно забыли свои годы… И я очень прошу вас, Людмила Михайловна, не называйте меня сегодня по фамилии, а?

Учительница вопросительно посмотрела ему в глаза. Ее всегда бледные щеки вдруг покрыл розовый румянец, а маленькие пухлые губы приняли недоуменное выражение.

– Хорошо, Алексей, но к чему все это?

– Забудьте сегодня о том, что я ваш ученик, – с улыбкой сказал он.

– У меня не получится, – грустно ответила она. – Вы… ты напрасно решил провести вечер со мной. Только зря время

потеряешь. Не останется ни радости, ни впечатления… Посмотри, сколько кругом таких юных и прекрасных девушек. И многие будут рады твоему вниманию.

– Не знаю… – задумчиво произнес Алексей. – Мне никого не нужно… Неужели вы даже на один вечер не хотите забыть свои заботы? Или, может, у вас неприятности?

Танец закончился. Алексей проводил свою партнершу к ее столику, где, рассматривая молодежь оценивающими взглядами и лишь изредка обмениваясь кое-какими репликами, сидели две пожилые преподавательницы. Но только он отошел к стене, как невысокий лысеющий мужчина, игравший роль массовика-затейника, без которого не обходились подобные школьные вечера, вышел в центр зала и объявил белый танец.

Ребята, скрывая нетерпеливое волнение, вызывающе переглядывались, а девушки робко, по одной, стесняясь всеобщего внимания, начали приглашать таких довольных собою ребят.

Алексей пристально, не отрываясь, смотрел на бледное, отвлеченное лицо любимой учительницы. Вернее, он видел половину ее лица. Она сидела за столиком боком к нему, размешивая в чашке кофе. Алексей смотрел на ее задумчивое лицо и мучительно ждал, что вот-вот она взглянет в его сторону, хотя совершенно не верил, что она сама сможет пригласить его на танец.

Одна из сидящих рядом учительниц наклонилась к Люд-

миле Михайловне и шепнула ей что-то на ухо. Людмила Михайловна резко повернулась в сторону Алексея. Их взгляды мгновенно сошлись. Он чувствовал, что нужно выдержать этот острый взгляд ее больших черных глаз. Но тут ее глаза потупились, она покраснела, затем медленно встала из-за стола, тихо извинилась и направилась к выходу из зала.

Алексей дождался, пока она скроется за дверью, потом, не спеша обходя столики, вышел в коридор. Там было пусто. Однако он ясно услышал удаляющийся быстрый стук ее каблуков. Затем стук смолк. Алексей сбежал с четвертого на третий этаж и увидел, как закрывается дверь одного из классов. Он осторожно подошел к этой двери, хотел было постучаться, как вдруг до его слуха дошло короткое нервное всхлипывание, перераставшее в тихий женский плач. Алексей распахнул дверь. В классе было темно, и все же в свете, проникшего из коридора, он увидел, что у окна спиной к нему, закрыв лицо руками, стояла она. Плечи ее вздрагивали и в темноте казались еще более узкими и хрупкими. Учительница, опустив руки, повернулась на свет. Ее глаза и щеки блестели от слез.

Алексей закрыл дверь и медленно подошел к ней.

– Зачем ты пришел? Уйди сейчас же! – вскрикнула она.

– Не гоните меня… – тихо сказал он.

Она вынула из рукава носовой платок и стала прикладывать его к лицу.

– Людмила Михайловна, будьте со мной откровенны, по-

чему вы плачете?

– Да так, нервы… – уже спокойно произнесла она. – Но зачем ты здесь? Там праздник, а ты здесь…

– Я люблю вас.

Она испуганно посмотрела на него. Потом ласково провела ладонью по его волосам и сказала:

– Милый Алеша, я всегда считала тебя хорошим мальчиком, прилежным учеником и ничего больше я не могла в тебе видеть. Ты подумай, что ты говоришь… Как это могло случиться? Разве ты сказал правду?

– Да.

Людмила Михайловна стояла пораженная, не зная что сказать. Во тьме ее бледное лицо было удивительно красивым и молодым. Она притянула к себе его голову и тихо поцеловала в лоб.

– Всё. Иди, – прошептала она и отвернулась к окну.

Алексей некоторое время стоял молча с опущенной головой, не способный пошевелиться, словно все произошедшее минуту назад случилось в сладком сне и от малейшего движения сон этот может прерваться. Наконец молчание стало тягостным, и он, будто очнувшись, вплотную приблизился к учительнице, не решаясь прикоснуться к ней.

– Людмила Михайловна, – негромко произнес он, – теперь я уже не смогу жить спокойно.

– Алеша, ну подумай, чего ты хочешь от меня?

– Я вас люблю, слышите, люблю и все. Вы, наверное, в ду-

ше смеетесь надо мной, но только не говорите, что некрасиво и пошло в семнадцать лет любить женщину, которая гораздо старше тебя…

Людмила Михайловна ничего не ответила своему ученику. Она подошла к первой парте, села и уронила голову на руки. Алексей остался у окна, чувствуя прилив тяжелого стыда за себя и за эту женщину, которую он, быть может, так ненужно и глупо обидел. Но она встала, пригладила ладонью волосы и сказала с грустной улыбкой, как бы извиняясь:

– Не обращай на меня внимания, Алеша… Давай уйдем отсюда. Я тебе кое-что расскажу.

Они оделись и вышли на улицу. Стояла звездная тихая предновогодняя ночь. Но город не спал. Шумные компании гуляли по украшенным разноцветными огнями улицам. Людмила Михайловна взяла Алексея под руку. Сначала они шли молча. Потом ее лицо просветлело, она развеселилась и заговорила:

– Какая хорошая ночь! А ты знаешь, ночью я становлюсь совершенно иным человеком. Меня тянет говорить и говорить… Хочешь я расскажу тебе маленькую историю? За твою искренность я отплачу тебе тем же.

Я училась еще в техникуме. В летние каникулы я ездила к тетке в деревню. И вот там повстречала человека, за которым даже теперь, через столько лет, я готова пойти хоть на край света. Если бы он только позвал… Я бы бросила всё: и работу, и дом, и покой. Но… ничего этого не будет, потому

что он меня никогда не позовет…

Однажды – какое это было чудесное время! – он признался мне в любви, а я, восемнадцатилетняя девчонка, возгордилась, хотела показать свой характер, чуть ли не отвергла его. Нет, в душе я носила огромную радость, а внешне старалась подразнить, помучить, поиграть на его первых и настоящих чувствах. Больше он не говорил мне ни слова о любви. Я же верила, что он скрывал ее в себе и еще больше гордилась.

Каждый вечер мы выходили на проселочную дорогу и гуляли допоздна. Лето приближалось к концу. Ночи становились прохладными и очень звездными. Мы подолгу сидели на крыльце; у меня мерзли пальцы, а он их согревал в своих руках… И так продолжалось до самой осени.

Он увлекался немного Маяковским, а я в то время была без ума от Есенина, стихов которого он почти не знал. И вот, когда он дышал на мои холодные пальцы, я читала ему:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую бесшумную погоду.

Или это:

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?

Да, он был первым и последним, кто в единственный раз меня поцеловал и сказал «люблю». Затем мы расстались. И лишь в разлуке, наедине с собой, я поняла, как мне не хватает его, только его. Он писал мне письма, а в них свои первые стихи. И они мне так нравились и так были дороги, как будто их я сочиняла сама. В них сквозила есенинская грусть…

Но постепенно он стал забывать меня. Впрочем, письма еще приходили. И что самое удивительное, в разлуке я все больше и больше чувствовала, что люблю его так, как любят в жизни только раз и только одного человека. Его глаза… Печальные, темно-серые глаза. Я видела их всюду, лишь стоило задуматься о нем. Я словно жила под постоянным наблюдением этих проникновенных глаз. Так он смотрел на меня, когда хотел и не решался сказать о своей любви.

Больше мы не виделись. Но я ждала, я надеялась встретиться с ним и сама себе в душе поклялась быть верной ему, сколько бы мне ни пришлось ждать. Так длилось несколько лет. И вдруг – получила письмо… Теперь я редко думаю о том письме, но до сих пор не могу читать его спокойно. А тогда… тогда мне не хотелось больше жить. Ведь в своих письмах к нему я прямо писала, что мне в жизни нужен лишь он один, что люблю его, и просила повторить еще раз то, что он сказал однажды… А ответом на все мои просьбы явилось последнее его письмо, где он обрывал все, что связывало нас, где говорил о бессмысленности наших отношений, которые называл непонятными, и не скрывал, что они ему в чем-то

даже мешают. Но особенно больно было оттого, что слова, произнесенные им когда-то, он называл ошибкой молодости, а свои прежние чувства – увлечением от одиночества и просил за них прощения.

Сколько я переплакала – подушка к утру не просыхала. Ночи стали бессонными. Они словно сдавливали меня тягостным ощущением пустоты, одиночества и горькой обиды из-за сознания своей ненужности дорогому мне человеку. Переписка прекратилась. Я стала учителем литературы. Я поняла, что между нами давно все кончено, что никакого чуда случится не может. Но клятва верности, данная мною себе, как-то невольно жила во мне, независимо от всего. Она жива и сейчас, но уже перешла в верность себе самой…

Людмила Михайловна смолкла. Алексей мельком взглянул на ее отвлеченное, отдалившееся лицо и подумал о том, что она не просто вспоминала эту историю для него, а будто бы вслух исповедовалась и перед ним и перед собой, оглядывалась на прошлое, чтобы проститься с тем, что постоянно связывало и томило ее до сих пор.

Снег блестел у них под ногами. Морозный воздух разрумянил их лица, а ресницы и брови покрылись инеем. Город постепенно затихал, погружаясь в сон. Незаметно они добрались до ее дома.

– Вот видишь, я тебе все и рассказала, – они остановились. – Спасибо тебе за этот вечер, Алеша. – Людмила Михайловна, не снимая варежки, погладила его по руке в кожа-

ной перчатке. – А теперь давай договоримся больше никогда не возвращаться к этой теме. Хорошо?

Алексей повернулся к ней лицом и, помолчав, сказал:

– А как же мне быть?

– Пройдет, все пройдет, – ласково на него взглянув, ответила она. – Ты закончишь школу, отслужишь армию, потом женишься, и я приду к тебе на свадьбу. Обещаю.

Алексей печальными глазами посмотрел на ее прекрасное порозовевшее лицо, смахнул иней с ее пушистой заиндевевшей шапки, вздохнул и согласно кивнул.

– Ну вот и чудно, – Людмила Михайловна положила ему руки на плечи, приподнялась на цыпочках и поцеловала его в щеку. – С наступающим праздником тебя, Алеша. А на каникулы – задание. Выучи наизусть есенинское стихотворение «Собаке Качалова». Потом, на уроке, спрошу. Всё, беги домой.

Она опустила глаза, быстрым шагом отошла к своему подъезду и скрылась за дверью.

ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЛСЯ ОДИН

Рассказ

Он всегда возвращался один. Выходил из автобуса и не спеша шагал по холодным безлюдным московским улицам, когда в домах уже угасали окна.

Весь октябрь шли дожди. Иногда поутру переставало моросить, но небо не прояснялось, целый день оно было затянуто тяжелой угрюмой пеленой, и к вечеру дождь занимался вновь – мелкий, противный, ветреный.

Выйдя из автобуса, он засовывал руки в карманы черного плаща и как-то нехотя, даже не подняв воротника, шел в сторону своего общежития. Он шел с опущенной головой по блестящим от фонарей тротуарам. Холодные капли медленно скатывались с мокрых волос на шею, отчего становилось зябко и еще хуже на душе.

Да, на душе у него было скверно. Думал он о том, как глупо складывается его судьба, как ему слепо не везет в жизни, что никому в этом городе он не нужен. Он искал себе друга и не находил. Боль одиночества в эти минуты разрасталась в его душе и переходила в состояние подавленности и презре-

ния к себе. Ему было плохо.

Он доходил до общежития, поднимался пешком на восьмой этаж. Обычно к этому времени опьянение улетучивалось из его головы, но от выкуренных сигарет болели виски, и очень хотелось пить. Он проходил на кухню и долго, большими глотками пил воду из чайника. Потом, отдышавшись, шарил по полкам кухонного стола, находил что-нибудь из остатков холостяцкого ужина ребят, живущих вместе с ним, и, перекусив немного, шел к себе в комнату спать. Перед тем, как уснуть, он старался припомнить детали прошедшего дня, закрывал глаза, и перед ним проплывали лица, лица, лица… Слышалась музыка, вокруг него кружились какие-то люди, чужие люди, которых он любил…

Он встал в шесть часов утра. Он всегда просыпался тогда, когда хотел. Ребята знали: если на кухне заговорил транзистор, то пора подниматься. Они надеялись на Андрея, как на будильник. Он поджарил себе яичницу, потом размешал в стакане кипятка две ложки сгущенного какао (в этом заключался его каждодневный завтрак) и отправился на работу.

Андрей был строителем. За свои двадцать пять лет много ему пришлось потрудиться на стройках, но не любил он свою профессию. Он был убежден в том, что рожден для чего-то большего. Пробовал поступать в институт. Не получалось. Не хватало знаний. В школе учился слабо, но не потому, что лучше не мог, просто не хотел, ему скучно было учиться. После армии умчался на одну из северных строек, думал на-

чать самостоятельную жизнь, подзаработать, жениться, купить квартиру и тогда уже, имея собственный очаг, найти себе работу по душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.